

ДОБЫЧА

24 февраля 2018

ФЕТИШИЗМ РОСТА

Рудник, уголь, энергия, строительство, золото. За всем этим — один и тот же позыв: быстро превратить в деньги. Быстро произвести энергию. Быстро построить здание, дорогу, аэропорт. За этим позывом стоит серьёзный фетишизм роста — идеология, считающая экономический рост необходимым, естественным и благим. Подвергнуть рост сомнению — клеймится как наивность или измена. Меж тем рост служит конкретным интересам — корпорациям, подрядчикам, государству — а его издержки распределяет на других: на работников, на сообщества, на экосистемы.

«За этим стоит серьёзный фетишизм роста.»

Экологические проблемы не вытекают из отсутствия рыночных цен — это редукционистский и наивный взгляд. Проблема лежит в конфликтах между победителями и проигравшими, в провалах коллективного действия, в асимметриях власти. Экологическая экономика ставит в центр не ценообразование, а отношения власти и политику. Экстрактивизм — извлекательство — простирается за пределы добычи: гигантская добыча песка под строительство, потребление геотермальной энергии, сельскохозяйственный обвал, рыболовство, лесное хозяйство. В Турции геотермальная энергия — самый быстрорастущий энергетический сектор — этикетуется как «чистая энергия», но компании, вместо того чтобы закачивать нагретый пар обратно под землю, сливают его в реки и в воздух.

Дискурс энергодефицита — тоже мистификация. Официальные данные показывают избыток энергии; «дефицит» — искусственная конструкция, легитимируемая идеологией роста. Дискурс «нам нужна энергия» маскирует главный вопрос: для кого энергия? Для чего энергия? Большая часть электричества тратится не индивидуальными пользователями, а бетонными заводами, торговыми центрами, строительной энергетикой. Но нелиберальное обрамление возлагает ответственность на индивида: «Если ты против добычи, не пользуйся электричеством».

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Чтобы понять место Артвина в сопротивлении горнодобывающей промышленности Турции, нужно посмотреть на борьбу, идущую с 1993 года. В провинции активно около 300 горных лицензий. Джератепе — гора, примыкающая к центру города — самая спорная зона. Если Артвин — это Стамбул, то Джератепе — это Таксим.

«Место, в котором мы находимся — представьте, что это Артвин. А участок рудника представьте как Таксим. На самом деле всё дело в этом.»

У непропорциональной видимости Артвина — три причины. Первая — сильная диаспоральная сеть: куда бы ни уехали артвинцы — Стамбул, Анкара, Измир, Анталья, Мугла — там они мобилизуются ради дел родины. Эта географически рассеянная сеть создаёт усиление, которого не достичь чисто местными движениями. Вторая — более чем 25-летнее организованное местное сопротивление: организация по домам, отказ трём горным компаниям, выиграно два суда. Третья — многоосная стратегия: академический анализ, юридическая борьба, медийное присутствие, художественно-культурное

вмешательство, прямое действие, международная солидарность. Когда одна из них отсутствует, всё построение слабеет.

В Гёрзе процесс, заставивший Anadolu Grubu отказаться от инвестиции в 3 миллиона долларов, стал возможен благодаря синергии интеллектуальных левых, народного хора, юридической работы и медиа — это определяется как крупнейший успех Турции в этой области.

Но активизм — это и история личного преобразования. Один человек, потерявший свой лазский язык, каждое лето возвращающийся на родину, не шахтёр в четвёртом поколении, учится под давлением условий: Photoshop (для протестных постеров), монтаж видео, кеменче (для культурного документирования). «Условия заставили. Я не хотел. Меня сделали таким». Редактор Artvin Yerel, дизайнер, музыкант — всё это один человек, потому что сопротивление требует быть многосторонним.

«Мастер-план» Восточного Чёрного моря — поданный как туристический маршрут, но на самом деле карта добычи энергии/добычи/ГЭС — объясняет «зелёные дороги»: 9 метров ширины, якобы построенные для туристов, но на самом деле — для проезда самосвалов с грунтом. Фатса — самый большой рынок фундука в Турции; окрестные поля ободраны добычей, качество упало, итальянские рынки отказываются от продукта.

ИМЯ УБИЙЦЫ

Медиа в горных авариях рутинно скрывают имена компаний. Имен погибших мы часто не знаем — но не знаем и имен убийц. Деанонимизация — называть компании, картировать структуры собственности, определять лиц, принимающих решения — политическая практика.

«Я думаю, может быть, вам легко не удержать в голове даже одно имя убившего убийцы. Смотрите. Ничего нет!»

Пропасть между официальной статистикой и реальностью огромна. По оценкам, семьдесят процентов смертей в шахтах не учтены — закрываются рукопожатием, кровными деньгами. Китайские рабочие умирают, хоронятся местно, не регистрируются, исчезают. По оценкам, в день умирают 7–8 шахтёров, но эти смерти невидимы, потому что рассеяны. Когда 301 человек умирает разом — это новости; одиночные смерти проходят молча.

Две деревни были затоплены ради плотины — Сирья (Зейтинлик), с традиционным оливководством, и Оручлу. Обе были перенесены в новые сёла; затем дороги для рудника попросили проложить через перенесённое Оручлу. Селяне: «Землю предков вы уже забрали, поля наши затопили, нас переселили — теперь ещё и дорога?» Горы и долины несут воплощённые истории. Добыча стирает слоистые временные отношения с местом. Старики остаются жить, а молодёжь уезжает — потеря 30–40 процентов населения — и социальная ткань рвётся.

В Бартыне — в Тарлаагзы — приближается вторая Сома. Угольная добыча и тепловая станция установлены в районе, где живёт население земледельцев и рыбаков. Дети и мужья работают на руднике; родители против тепловой станции. Горная компания говорит: «Мы всё равно будем добывать».

РАНЫ ЗЕМЛИ

Один визуальный художник делает видимыми «раны», которые открытые карьеры оставляют на поверхности земли, через спутниковые снимки. На спутнике каждое изображение видно как одна точка — но на уровне земли это масштаб катастрофы.

«Манипуляция цветом намеренна, чтобы раскрыть экологические процессы. Каждый рудник назван, данные взяты из Атласа экологической справедливости. Сам процесс производства — „безумная работа“; материальность отражает безумие добычи.»

Мёртвые ландшафты: снятие верхнего слоя почвы оставляет бесплодную землю. Ядовитые шламохранилища: резервуары химических отходов. В 2015 году в Бразилии обрушение плотины Бенту-Родригес отравило реку Досе на тысячи километров. По мере истощения месторождений на суше извлечение смещается на дно океана — острова вроде Палау продают права на добычу на морском дне. Океаны выделяются не только под зону добычи, но и под зону захоронения углекислого газа — океаны будущего — свалка углерода.

Современное искусство интенсивно сосредоточено на политическом содержании, но мало касается экологических проблем. Эта лакуна — мотив работы. Эстетическое приукрашивание катастрофы намеренно — оно привлекает внимание зрителя, а затем раскрывает ужас, скрытый под ним. Дискомфорт между «красивым» и «отравленным» — намеренный.

Второе тело работы — панорамы, собранные из медиа-образов катастроф — войны, горящих зданий, тающих ледников. Сшитые вместе образы составляют затопленные миры, бомбардировочные ландшафты, апокалиптические композиции. Они отсылают к климатическим будущим — например, Лондон в условиях ледникового периода. Переход от экономического образования к искусству — не разрыв, а иная форма усилия делать видимыми невидимые системы. Инфографики, таблицы, диаграммы, фотографии, видео — инструменты меняются, но всё проходит через обширный процесс исследования и архивирования.

СОМА ОЗНАЧАЕТ ТЕЛО

Танцовщица доказывает, что тело — первичное политико-экологическое поле. Её путь, начавшийся с балета и эволюционировавший в соматическую практику — это история перехода от ориентированного на цель технического совершенства к телесной осознанности. Тело рассматривается в трёх разных регистрах: ум, психология и кинестетическая мудрость.

«Танцовщица тоже в тёмной обстановке работает, чтобы извлечь руду внутри себя. Шахтёр тоже работает под землёй. Чтобы добраться до неизвестной ему руды.»

Добыча и танец структурно одинаковы: оба извлекают ценность из тел, оба быстро потребляют тела, оба находятся в верхних строчках рейтинга «худших профессий». Шахтёр спускается под землю в поисках руды; танцовщица работает в темноте в поисках истины. Места, где оба собираются, называются «залом».

Связь с Сомой возникает через случайное открытие. Художница, поехавшая в Чанаккале на театральный воркшоп, знакомится с горным инженером: «Можем ли мы импровизировать в шахте?» Группа спускается в шахту, находит большую пустоту, делает двухчасовую интенсивную импровизацию. Затем инженер сообщает: ровно в этой точке открыт канал высококачественного серебра.

Катастрофа Сомы (2014) углубляет эту связь. Перформанс «Худшая работа» — каски шахтёров, присланные из Сомы, обрамлённый вокруг труда и поминания — это произведение, повторяющееся с 2016 года. Зрители смотрят с трёх сторон, сверху — представление одновременно даёт почувствовать дистанцию взгляда сверху и нахождения под землёй. Но финансирующие не хотят, чтобы упоминалось имя Сомы: «Уберите Сому. Имя Сомы пусть не звучит». Художники вынуждены к самоцензуре — поминание политически опасно, потому что помнить — значит ставить систему под вопрос.

Не от макро к микро, а от микро к макро открывается экологическое понимание тела: динамика индивидуального тела отражает более крупные социально-экологические системы. Усилие, сила, насилие в индивидуальном движении — зеркало насилия в большом мире. Телесная феноменология обосновывает экологическое понимание: тела потребляют энергию, выражают силу, записывают боль. Пока от индивидуального телесного сознания не перейти к коллективному телесному пониманию, экологическая работа на макромасштабе обречена на провал.

Танцевальные проекты с разными телами — 150 участников, работа с людьми, помеченными как инвалиды, мастерские по танцу/телесной осознанности в тюрьме — показывают, что тело — это не только

индивидуальный организм, но и фокус системного давления, сопротивления и экологической связности. Окна, силой открытые в танцевальном здании в Мимар Синан, борьба с токсичным внутренним воздухом от ближнего строительства; проект босоногого контакта с землёй — студентам, чтобы нормально функционировать, нужен открытый воздух, контакт с землёй.

КИЛОМЕТРЫ СЕРОГО

Один фотограф полгода документирует каменоломни на окраинах Стамбула. 16 действующих карьеров рядом с деревней Джебеджи — всего в 200–300 метрах от источника воды Стамбула, плотины Алибейкёй. Каждый день взрывают динамит — облака пыли по 20–25 минут, разбитые окна, треснувшие стены.

«Работать в оттенках серого — сознательный выбор. Зелёный виден только там, где удалось спастись от расширения карьера. Чрезмерный цвет эстетизировал бы разрушение; монохром, документируя реальные условия, подчёркивает мрачность.»

Но Сома — это иной масштаб: «Километры, километры, километры — едешь. Зелёного нет». Постоянно горящий уголь — не только угольная пыль, а активное горение. Постоянный туман угарного и углекислого газа. 40 000 работников в день; фотограф работает 10 дней, 4–5 дней лежит в санчасти. Колёса грузовиков 2–2,5 метра в диаметре — масштаб действительно ужасает.

Путь, начавшийся с документирования Третьего моста, ведёт к документированию Третьего аэропорта и далее ко всей городской реновации Стамбула. «Красивые» новые зоны Стамбула — преобразование Бомонти, район Хилтона — поднимаются одновременно с экологическим обвалом в зонах каменоломен. Город избирательно прихорашивается, разрушая свою экологическую способность. «Мы это заметили. Что мы можем сделать, что мы можем сделать» — беспомощность перед лицом масштаба ведёт к малым вмешательствам: проекты босой ходьбы по земле, трафаретное озеленение.

ВСЕ ЗНАЛИ

В Соме система отработала «как должна». Сигнальные системы работали. Все — рабочие, инженеры — знали о риске и приняли его. Это не индивидуальная небрежность, а структурная трагедия. Рабочие шли на риск «зная», потому что иного выбора не было. Сельское хозяйство было намеренно разрушено, сельское население было загнано в добычу и строительство как в единственный выбор.

«Неолиберальная гегемония, в каком-то смысле, проникла во всех нас, немного грызёт наш мозг — вот что я вижу и чувствую.»

301 смерть изменила национальное сознание — Сома стала ключевым словом жертвы/трагедии в Турции. Но коллективная память быстро выцветает. Ко второй годовщине мероприятия солидарности уменьшились. Шесть других горных катастроф последовали, каждая получила минимальное внимание. Смерти в двух-трёх цифрах становятся новостями; смерти в одной цифре — тишина. Это забывание структурно — оно служит интересам добывающей отрасли. Если поминание не поддерживается как политическая практика, система нормализует забвение.

Сама Сома по-прежнему активна. Семьи живут с травмой, экономическим разрушением, трауром. Сложность траура — 301 семья, каждая получила разную компенсацию — создала разломы внутри сообщества. Мистификация отношений труд-природа здесь видна в самом обнажённом виде: тепловые станции жгут уголь, согревают города, якобы ради благосостояния граждан — а в реальности ради корпоративной прибыли. Рабочие приносят в жертву своё здоровье и жизни. Риторика «чтобы не мёрзнуть» маскирует

реальное распределение власти.

Когда без альтернативы говорите «я этого не хочу», шансы долгого дыхания невелики. Настоящее сопротивление — это не только противиться конкретным рудникам, но и строить альтернативы. Турецкое

сельское хозяйство было намеренно разрушено — эти люди двадцать лет назад жили в сельском хозяйстве куда более счастливо и довольны, и жизнь переменялась. Процесс, загоняющий сельские слои в добычу и строительство как единственный выбор, ломает и способность к сопротивлению: говоря «моя семья должна жить», люди знают, что рудники разрушительны, но экономическое отчаяние систематически эксплуатируется.

Заново выстроить сельскую жизнеспособность, создавать экономические альтернативы — сопротивление должно включать и это. Индивидуальных потребительских выборов недостаточно; необходима структурная трансформация. Закон об оливковом масле — закон об оливе — стоит как единственное существующее препятствие расширению добычи в Турции. Конфликты вокруг рудников в Каз Дагы вновь и вновь напоминают о важности этого закона.

Эта встреча движется к конкретному результату: в летние месяцы поехать в Сому смешанной группой — академической, художественной, активистской. Без заранее определённого результата, как экспериментальная вовлечённость. Намеренная медленность. Поддерживаемое присутствие — не одноразовое вмешательство. Потому что траур сложен: 301 семья, каждая получила разную компенсацию, создались разломы. Событие не закрыто.

Ни одна дисциплина в одиночку не схватывает сложности добычи. Экономика показывает мотив прибыли; экология — экологическую цену; трудовые исследования — условия труда; история — региональные траектории; искусство — делает видимым то, что анализ абстрагирует. Эффективное сопротивление требует одновременной многоперспективной вовлечённости. Пройти пешком почти каждый карьер и рудник в Каз Дагы, делать репорт в Соме, проводить полевые исследования от Туркменистана до Эквадора — академическое, активистское и художественное поля работают одновременно.

Встреча о добыче моделирует, как интеллектуально-художественно-активистское сотрудничество работает на практике: не иерархично, не разделено, не бестелесно, не сдавшимся. Несмотря на документирование огромной несправедливости, участники привержены поддерживаемой вовлечённости — она завершается планированием конкретного проекта. Это и есть работать в тёмные времена, встречаясь с темнотой.